

Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра истории русской литературы и журналистики

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ХАРАКТЕРА СМОЛЯНКИ:
ВОСПОМИНАНИЯ ГЛАФИРЫ ИВАНОВНЫ
АЛЫМОВОЙ-РЖЕВСКОЙ**

Курсовая работа
студентки 206 группы дневного отделения

А. И. ТРУБНИКОВОЙ

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент

И. Е. ПРОХОРОВА

Москва 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
....	
ГЛАВА 1: На пути создания «новой породы»: портрет идеальной воспитанницы Смольного института.....	8
ГЛАВА 2: «Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской» как источник сведений о становлении и жизни смолянки.....	1
1. Смольный институт.....	5
1. Смольный институт.....	1
2. Иван Иванович Бецкой.....	6
3. Придворная жизнь.....	2
4. Елизавета Рубановская.....	2
.....	7
.....	3
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	3
....	3
БИБЛИОГРАФИЯ.....	3
....	6

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об образовании женщин в отечественной истории занимает особое место. Началом женского образования в России известная исследовательница XIX века Е. О. Лихачева¹ считает 1086 год – учреждение Анной Всеволодовной, внучкой Ярослава Мудрого, первой женской школы при Андреевском монастыре. Впоследствии именно в монастырях концентрируется образование детей в принципе, в том числе и для девочек, но такое образование не носило системного характера.

К моменту воцарения на российском престоле Екатерины II дворянская среда в большинстве своем была невежественной, и решение этой проблемы мало продвинулось со времен Петра I. Император, конечно, стремился создать новую культуру общественной жизни по образу и подобию Европы, однако дворяне усвоили в основном внешний лоск светского общения. Те молодые дворяне, которые были отправлены Петром за границу для обучения наукам, возвращались действительно более учеными, но сохранившими старые привычки и традиционные ценности.² И основательно этой проблемой среди прочих займется Екатерина II.

Как пишет З. Е. Мордвинова, «ум Екатерины подсказал ей, <...> что роль женщины в воспитании хороших граждан имеет огромное значение, что невоспитанные и необразованные жены и матери предрассудками и невежеством могут влиять лишь пагубно и тормозить все ее

¹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). – СПб, 1899. – 268 с.

² Там же.

усилия на пользу ее подданных».¹ Именно при Екатерине вопрос о женском образовании поднимется на государственный уровень. Находясь под большим влиянием идей просвещения (в частности, Руссо и Фенелона – популярного у просветителей автора XVII века), императрица с помощью И. И. Бецкого приступает к реализации своего проекта «Воспитательного общества благородных девиц», или Смольного института, который она задумала еще будучи великой княгиней.² В задачи института входило реализовать новую модель воспитания, разработанную И. И. Бецким по указанному Екатериной направлению, которая основывалась на формировании нравственности, порядочности, индивидуальности и заложении широких знаний о мире. Первый выпуск Смольного в 1776 г. – уникальное явление русской культуры, поскольку в свет вышел абсолютно новый тип девушек – «институток», отличающихся образованностью, широким кругозором, выявленными талантами и в то же время детской восторженностью. Среди этих девушек была изучаемая нами Глафира Ивановна Алымова – будущая фрейлина Екатерины II, предмет увлечения И. И. Бецкого, одна из первых русских арфисток и не только. Ее характер на протяжении 11 лет формировался в стенах Смольного монастыря. «Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской»³ – главный, хотя весьма субъективный источник сведений о том, как институтское воспитание

¹ Мордвинова З. Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Вопросы образования. 2007. №3. – с. 258.

² Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086-1856). – СПб, 1899 – с. 111.

³ Ржевская Г.И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив, 1871. – Кн. 1. – Вып. 1. – Стб. 1-52.

сделало из дворянской девушки смолянку и как «проект» Екатерины реализовался в жизни.

Тему исследования мы обозначили как «История формирования характера смолянки: воспоминания Глафиры Ивановны Алымовой-Ржевской». В работе будут исследоваться преимущественно годы пребывания Глафиры Алымовой в Смольном (1765-1776 гг.) по ее собственным воспоминаниям. Мы проследим, как проходило становление Алымовой как институтки, как она относится к этому периоду своей жизни, какие жизненные установки вынесла из институтского воспитания и как эти принципы реализовались в ее дальнейшей непростой судьбе. В таком ключе серьезных исследований ее «Записок» ранее, по сути, не проводилось, и в этом заключается **актуальность** настоящей работы.

«Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской» были написаны на французском языке в начале XIX в. (точная дата создания неизвестна). Вероятно, они создавались «для себя», поскольку автор пишет: «я лишь самой себе отдаю отчет в том, что видела, чувствовала и испытала». Для публикации в «Русском архиве» (1871, Кн. 1. Вып. 1) «записки» были переведены на русский правнучкой Ржевской М. П. Свистуновой, а в редакцию были переданы ее отцом – декабристом П. Н. Свистуновым.¹ Воспоминания охватывают период с раннего детства Алымовой до начала царствования императора Александра I, то есть более 40 лет.

Историография исследования: научной базой курсовой работы стали исследования в области истории,

¹ Институт благородных девиц / авт.-сост. Вероника Богданова. – Москва : Алгоритм, 2017. – с. 7.

культурологии и филологии: З. Е. Мордвиновой¹, А. Н. Позднякова², Е. Е. Приказчиковой³, М. Ю. Хохловой⁴, А. Даниловой⁵, А. Зорина⁶ и Н. П. Черепнина⁷.

Работы послужили источником сведений об устройстве Смольного института времен Екатерины II, об институтских нравах и характере воспитанниц. Все эти исследования опираются в том числе и на «Памятные записки», однако детальный их анализ ни в одной работе не представлен.

Также для лучшего понимания вопроса о женском образовании в целом были изучены исследования А. В. Беловой⁸, Е. Лихачевой⁹ и Е. Н. Щепкиной¹⁰. Эти материалы содержат информацию об истории женского образования, и в рамках этого рассматривается изучаемый нами период правления Екатерины II.

¹ Мордвинова З. Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Вопросы образования. 2007. №3. – с. 255-278.

² Поздняков А. Н. Институты благородных девиц в системе образования России второй половины XVIII – начала XIX века // Изв. Саратов. ун-та. / Философия. Психология. Педагогика – 2014. – Т. 14 – вып. 2. – с. 104-108.

³ Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и её отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2009. №27. – с. 105-114.

⁴ Хохлова М. Ю. Проблема типологии воспитанниц институтов благородных девиц в контексте их межличностного общения // Наука и школа. 2012. №5. – с. 166-170.

⁵ Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института : биогр. хроники – М. : ЭКСМО, 2008. – 463 с.

⁶ Зорин А. Странная любовь. Из курса «Любовь при Екатерине Великой» // Arzamas, 2019.

⁷ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц : Ист. очерк, 1764-1914 : Т. 1-3 / Н.П. Черепнин. Т. 1. – Спб., 1914. – 620 с.

⁸ Белова А. В. Девичество Российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. №4.

⁹ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). – СПб, 1899. – 268 с.

¹⁰ Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь, 2005. – 319 с.

В целях изучения биографии Г. И. Ржевской использовались труды Д. Л. Мордовцева¹ и О. Чайковской². В них содержатся сведения о жизни Глафиры Ивановны, включая дополнительную информацию, которую она сама в своих воспоминаниях не сообщает.

В целях понимания методов анализа женского автодокументального текста и особенности повествования мемуаристки Алымовой-Ржевской были изучены работы Н. Г. Георгиевой³ и И. Л. Савкиной⁴.

Для лучшего понимания гендерной проблематики в этом аспекте были проанализированы работы С. С. Шашкова⁵ и Н. Л. Пушкаревой⁶. Авторы прослеживают историю «женского вопроса», размышляют о месте женщины в истории, отличии ее быта от быта мужского мира, ее социализации на протяжении веков.

Объектом исследования является тип девушки-смолянки как представительницы «новой породы людей»⁷.

Предметом исследования – «Памятные записки Глафиры

¹ Мордовцев Д. Л. Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова // Русские исторические женщины. В 2 т. - М.: Книговек, 2018. - Т. 2. - 1200 с.

² Чайковская О. «Как любопытный скиф...» / Предисл. Д. С. Лихачева. - М.: Книга, 1990. - 295 с.

³ Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник РУДН. История России. 2012. №1. - с. 126-138.

⁴ Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. — М : Новое литературное обозрение, 2007. — 416 с.

⁵ Шашков С.С. История русской женщины. — СПб., 1879. - 352 с.

⁶ Пушкарёва Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800 - 2000: Материалы к библиографии. М., 2002 - 495 с.

⁷ Бецкой И. И. Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества // Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола - Спб, 1774. - Т. 2. - 244 с.

Ивановной Ржевской», в которых можно проследить путь становления автора как одной из смолянок.

Хронологическими рамками исследования являются в основном 1765-1776 годы, поскольку именно в этот период Г. И. Ржевская воспитывалась в Смольном институте, но для полноты исследования также будут рассмотрены некоторые эпизоды жизни мемуаристки и после выпуска.

Задачи исследования:

1. Изучить биографию Г. И. Ржевской (1758—1826 гг.) для понимания ее личности, особенности характера, ценностей и убеждений.
2. Определить своеобразие повествовательной манеры Ржевской в «Памятных записках»: позиционирования собственного «Я» автором.
3. Выявить фрагменты «Памятных записок», наиболее ярко отражающие ценности, интересы и характер выпускницы Смольного института при Екатерине II.
4. Проанализировать выбранные фрагменты мемуаров, показывающих, как пребывание в Смольном институте повлияло на дальнейшую жизнь Г. И. Ржевской.

Методом исследования является культурно-исторический анализ текста «Памятных записок» Г. И. Ржевской с опорой на упомянутый выше комплекс исследований разного типа.

ГЛАВА 1: НА ПУТИ СОЗДАНИЯ «НОВОЙ ПОРОДЫ ОТЦОВ И МАТЕРЕЙ»¹: ПОРТРЕТ ИДЕАЛЬНОЙ ВОСПИТАНИЦЫ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Женское образовательное учреждение задумывалось Екатериной II уже тогда, когда она только приехала в Россию. Будущая императрица была воспитана, как и все просвещенные люди, под началом французских воспитателей. Вполне вероятно, что она уже с юности слышала о женском пансионе в Сен-Сире во Франции, который, в свою очередь, был воплощением идей Фенелона из его трактата «О воспитании девиц». Сама Екатерина, как известно, очень ценила его творчество.

Фенелон провозглашает вполне прогрессивные для своего времени принципы воспитания (трактат был опубликован в 1687 году). В частности, он говорит о том, что ребенок – это личность, требующая индивидуального подхода. Детям следует внушать всякое «отвращение ко лжи» и «заставлять любить истину»², прививать чувства доброты и дружбы. Кроме того, Фенелон отмечает, что процесс обучения должен ассоциироваться с приятной и увлекательной для детей деятельностью – игрой, а не скукой. Автор довольно резко высказывается о текущем положении дел в сфере женского образования, говорит о глупости девушек, хитрости, пустом кокетстве и тяге к украшению себя. Исправить это можно, если с детства приучать девочек

¹ *Бецкой И. И.* Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества // Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола – Спб, 1774. – Т. 2. – с. 180.

² *Фенелон.* О воспитании девиц. – Москва: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. – с. 9.

к скромности, украшению не тела, но ума, богобоязненности и доброте. Более того, на женщине держится ведение домашнего хозяйства, и, соответственно, ей необходимо быть способной к самостоятельному решению экономических вопросов. Для этого ей необходимо (в ограниченном количестве, но все же) знать историю, арифметику, немного географию. Не забывает автор и о литературе, но только лишь той, что не способствует развращению. Не менее важной чертой Фенелон считает храбрость и стойкость духа, поскольку «христианин любого пола не должен быть трусом».¹

Когда Екатерина II приехала в Россию в 1744 г., русское общество в большинстве своем недоверчиво относилось к просвещению и наукам. В период царствия Елизаветы Петровны общая масса дворян оставалась внешне блистательной, но невежественной, хотя при ней были учреждены Московский университет и Петербургская академия наук. Н. П. Черепнин утверждает, что даже придворный этикет оставлял желать лучшего, уступая «старинному варварству»². Лишь некоторые дворяне, преимущественно обеспеченные жители столицы, занимались самообразованием: изучали передовую европейскую литературу, философские течения, выписывали своим детям французских гувернеров. Но гувернеров зачастую выбирали легкомысленно: случалось так, что иностранцы, призванные «просвещать» дворянских детей, на родине являлись лакеями, мастеровыми или беглыми

¹ Там же, с. 59.

² Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц : Ист. очерк, 1764-1914 : Т. 1-3 / Н.П. Черепнин. Т. 1. - Спб., 1914. - с. 10-11.

офицерами¹. Образование подрастающего поколения возлагалось на людей, которые сами нуждались в этом образовании.

На почве российской действительности французский философский смех превращался в злобу, отрицание старых порядков – в отрицание приличий, беспечность, свойственная французам, – в отрицание каких-либо занятий, отрицание предрассудков – в кощунство. Молодые люди если и читали французскую литературу, то больше отдавали предпочтение переводным сентиментальным романам и мелодрамам, не имеющих особой художественной ценности. Основываясь на опыте Петра I, немногие просвещенные люди сделали вывод, что одной лишь «учености» для процветания государства недостаточно, и необходимо «преодолеть суеверие веков»² и нравственно образовывать граждан.

Мысли о таком образовании были изложены личным советником императрицы, видным деятелем русского Просвещения Иваном Ивановичем Бецким в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» (12 марта 1764 г.): «Искусство доказало, что просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены. По сему ясно, что корень всему злу и добру — воспитание. Достигнуть же последнего с успехом и твердым исполнением не инако

¹ Там же, с. 18.

² *Бецкой И. И.* Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества // Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола – Спб, 1774. – Т. 2. – с. 180.

можно, как избрать средства к тому прямые и основательные, т.е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям и так, следуя из родов в роды в будущие века».¹

На момент написания декларации Бецкой большую часть жизни прожил за границей, где он получил образование и проникся идеями просвещения. Из различных суждений Локка, Гельвеция и Руссо он создал собственную систему воспитания, которая и легла в основу всех последующих его деклараций об образовании. В частности, от Руссо Бецким была взята идея о школе закрытого типа. Это же он прописывает в «Генеральном учреждении»: чтобы процесс воспитания оказался эффективным, требуется создать закрытые учебные заведения, куда будут приниматься дети 5-6 лет. Контакты с родственниками должны быть максимально ограничены, а встречи проходить только в стенах заведения, чтобы не допустить влияния «старых» взглядов, дурных примеров.

О качествах, которые должны быть культивированы в учениках, И. Бецкой пишет: «При сих воспитательных учреждениях первое прилагать должно старание, чтоб вселять в юношество *страх божий* (здесь и далее курсив наш – А.Т.), утверждать сердце в похвальных склонностях, и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к *трудолюбию*, и чтоб

¹ Там же, с. 181.

страшились праздности как источника всякого зла и заблуждения; научать пристойному в делах их и разговорах поведению, *учтивости*, благопристойности, *соболезнованию о бедных*, несчастливых, и *отвращению от всяких продерзостей*; обучать их *домостроительству* во всех онаго подробностях, <...> вкоренять в них собственную склонность к *опрятности и чистоте*, <...> одним словом, ко всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, и которыми в свое время могут быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшением»¹.

Следующим этапом к созданию женского училища стал изданный двумя месяцами позже «Устав воспитания двухсот благородных девиц»². Согласно уставу, девочки должны приниматься в заведение 5-6 лет и обучаться там в течение 11 лет. Классы делились на 4 возраста: 6-9 лет, 9-12 лет, 12-15 лет, 15-18 лет. Образовательная программа Воспитательного общества благородных девиц была довольно обширной: в соответствии с возрастом девушки должны были изучать катехизис, «все части воспитания и благонравия», русский и иностранный языки, арифметику, рисование, «танцевание», музыку «вокальную и инструментальную», рукоделие, географию, историю, домостроительство, словесные науки, а также немного архитектуру и геральдику. В четвертом возрасте предполагалось повторение пройденного курса, а также обучение закону Божьему, всем правилам светского обхождения и учтивости, экономии. Более того, на протяжении всего обучения учительницы

¹ Там же, с. 183.

² Там же, с. 40.

должны следить за успехами каждой ученицы, а способности в них – развивать в том «искусстве или знании», в котором лично каждая девушка преуспевает больше всего. Это позволяет говорить о начале индивидуального подхода к обучению.

И. Бецкой в Первой главе «Устава» вслед за Фенелоном возлагает большую ответственность за эффективность воспитания на самих воспитателей. В обязанности учительниц входит: «при всяком удобном случае удобнее в мысли молодых девиц вверять *благонравие* и вкоренять оное в нежные их сердца», «стараться, чтоб девицы *не привыкали излишно важничать*, а потом и *унылый вид являть*», «паче всего наставляя их в основаниях *благоразумия, добронравия, благопристойности, благородной, а не принужденной учтивости* и всех добродетелей», «все сии изящные качества надлежит соглашать с *пристойною и благородною скромностию* в поведении, в осанках приятных, в *разговорах вежливых и разумных*, и в ласковых поступках», «вверять охоту к *чтению книг*»¹ (курсив наш). *Прилежание* считалось весьма ценным качеством, упрямство же считалось дерзостью, а праздность почиталась «источником всех пороков» и, соответственно, наказывалась строже всего.

Любопытным замечанием в уставе является фрагмент об иностранных языках: «Как скоро девицы иностранные языки разуместь и оными говорить начнут, тогда госпожи Учительницы по окончании классов употребляют по несколько времени с ними вступать в разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли с *пристойною*

¹ Там же, с. 55.

вольностию, что самое послужит им способом ко исправлению их рассудка».¹ С одной стороны, цель этого мероприятия – совершенствовать навыки владения языком, с другой – возможность проведения своего рода воспитательной беседы. Но есть и третья сторона – каждая девушка может высказываться о своих переживаниях, чувствах и эмоциях свободно, зная, что на это она получит внятный ответ от наставницы, которая в свою очередь соотнесет мысли воспитанницы с уставом и моралью. Это своего рода психологическо-педагогическая беседа, которая, во-первых, помогает девушкам понимать свои чувства отчетливо и верно, во-вторых, учит воспитанниц формулировать и выражать собственные эмоции, и в-третьих, прививает им *чуткость и сопереживание* (ведь приходится слушать и размышления сверстниц). Это также является отличительной чертой данной образовательной программы.

Во Второй главе Бецкой еще более подробно рассматривает добродетели, которые следует прививать воспитанницам. Среди неназванных можно отметить *повиновение начальству* (это качество Бецкой, как истинный чиновник, ценил особенно), *кротость, воздержание, богобоязненность, «к добру склонное и праводушное сердце»*² (курсив наш), «удаление от всего того, что гордостью и самолюбием назваться может». Много внимания автор сочинения уделяет домостроительству и экономии и, перечисляя обязанности и навыки будущих хозяек, отмечает, что девушки «в собственном своем воспитании найдут себе

¹ Там же.

² Там же, с. 59

великое вспоможение, в каком состоянии им жить ни случилось».¹

Также важной составляющей жизни в Смольном являлся *театр*, в котором девицы почти круглый год репетировали и давали представления. Любопытно, что воспитанниц всячески старались оградить от тлетворного влияния любовных романов, но при этом театральные репертуар того времени состоял в большей степени из пьес, вращающихся вокруг любовных интриг. Для императрицы возможность участвовать в театральной жизни была важнее, чем опасность такого репертуара для неокрепших умов девушек. Историк А. Зорин в своей лекции «Проект воспитания чувств» проводит параллель между театром и придворной жизнью, отмечая, что «театр представляет собой то самое искусство, в котором социально одобренные символические модели, те образцы поведения и чувств, на которые должен ориентироваться человек, представлены, с одной стороны, в наиболее очищенном от бытовой эмпирики виде, а с другой — телесными и наглядными».² На основании этого можно утверждать, что Екатерина имела целью готовить девушек к предстоящей непростой придворной и семейной жизни.

Предполагалось, что по окончании обучения воспитанницы могут либо составить хорошие партии достойным женихам, либо начать придворную карьеру, либо остаться преподавать в Смольном. Как пишет А. Данилова³,

¹ Там же, с. 61

² Зорин А. Проект воспитания чувств. Из курса «Любовь при Екатерине Великой» / Arzamas, 2019. URL: <https://arzamas.academy/courses/32/1> (дата обращения 25.04.2019).

³ Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института : биограф. хроники – М. : ЭКСМО, 2008.

смолянки должны были смягчать, облагораживать нравы общества, делать его более гуманным, а также отмечает, что многим из них это удалось.

Портрет идеальной смолянки можно себе представить следующим образом: это здоровая и цветущая девушка (нездоровые в институт и не принимались), которая в совершенстве владеет французским языком, но также хорошо изъясняется по-русски, имеет определенные познания в истории и географии, любит читать и может прилежно заниматься; для устройства своего дома владеет основами экономии и способна к рукоделию. В совокупности с этим смолянка должна обладать блестящими светскими талантами: танцевать, рисовать, петь или играть на каком-либо инструменте, владеть театральным искусством, иметь некоторые способности к красноречию, всегда быть в хорошем расположении духа, а также быть тактичной и учливой в обращении и уважительно относиться к начальству. Среди прочих качеств такой девушки можно выделить скромность, порядочность и глубокую нравственность, исходящую из уважения и любви к богу, а также настоящую доброту, чуткость и милосердие.

Попытаемся выяснить, насколько близки были реальные смолянки к этому образу, который хотели видеть Екатерина II и И. И. Бецкой, опираясь на мемуары Глафиры Ивановны Алымовой-Ржевской.

ГЛАВА 2: «ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ ГЛАФИРЫ ИВАНОВНЫ РЖЕВСКОЙ» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О СТАНОВЛЕНИИ И ЖИЗНИ СМОЛЯНКИ

Середина XVIII – начало XIX века российской истории ознаменовались появлением первых женских мемуаров. В этот период нравственное становление женской личности отразилось в том, что появилась потребность осознать свое место в жизни, описать события, которые глубоко затронули мысли и чувства¹. «Памятные записки» создаются в начале XIX века, и к моменту их написания за спиной Г. И. Ржевской уже будут два брака и два десятилетия придворной жизни. Изучаемые нами «Записки» по Н. Г. Георгиевой² можно отнести к «мемуарам-автобиографиям»: в них представлен произвольный набор фактов и событий, отвечающий запросам автора. Такие мемуары зачастую преследуют внутрифамильные цели – предназначаются для потомков. В «Записках» почти не описаны ситуации, которые могли бы представить их автора в невыгодном свете. Историк А. Зорин³ утверждает, что совершенно неудивительно, что воспоминания Ржевской полны умолчаний. Любой мемуарист так или иначе исходит из авторской концепции, которая сложилась у него ко времени их написания, и вольно или невольно подгоняет к ней свой рассказ и тот образ себя в прошлом, который он рисует. Зорин также полагает, что Ржевская намеренно придерживается официального представления о смолянках как о *tabula rasa*. Учитывая, что

¹ Мусеева Г. Н. [Вступ. статья] // Записки и воспоминания русских женщин [аудиокнига] – М.: aBook-club, 2013.

² Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник РУДН. История России. 2012. №1. – с. 135.

³ Зорин А. Странная любовь. Из курса «Любовь при Екатерине Великой» // Arzamas, 2019.

смолянки должны были стать идеалом образованных женщин, вполне вероятно, что Глафира Ивановна преследовала цель сделать себя примером для подражания для последующих поколений своей семьи. Сама же мемуаристка ставит своей целью «дать себе отчет»¹, осмыслить пережитое.

1. Смольный институт

«Памятные записки» Г. И. Ржевской, в девичестве Алымовой, начинаются с обстоятельств ее рождения. Будущая институтка родилась в 1758 году в семье бедного провинциального дворянина, к моменту рождения дочери уже скончавшегося. Алымова была 19-м ребенком в семье, и, как она пишет, «не радостно было встречено мое появление на свет»². Так начинается ее «сиротство»: отца Алымова не знала, а мать первый год была не в силах видеть свою дочь. Их отношения так и не сложились. Поскольку мемуаристка была лишена родительской любви и теплых семейных отношений в детстве, далее в воспоминаниях она неоднократно возвращается к мотиву своего одиночества.

Алымова поступает в Смольный в 1765 году в возрасте семи лет. Вот так она пишет об этом событии: «Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира! Вы были для меня источником самых чистых наслаждений. Благоговею перед вами!»³ Свои годы пребывания в «монастыре» мемуаристка однозначно воспринимает как лучшие годы жизни.

¹ Ржевская Г. И. Указ. соч., стб. 6.

² Там же, стб. 1.

³ Там же, стб. 4.

Согласно уставу «Воспитательного общества», смолянка – это девушка с индивидуальностью. Г. И. Ржевская неоднократно указывает на это в своих воспоминаниях. По ее мнению, именно индивидуальность отличает смолянку от других молодых дворянок: «В свете ничего нет прочного; обычай берет верх над правилами. Видишь лишь обезьян и попугаев, а не встретишь самобытного характера, отличающего человека от других, как отличается он чертами лица; но, при всеобщем однообразии, резко выдаются характеры девушек, воспитанных в наших заведениях: из них каждая имеет свой личный характер»¹. Мемуаристка высоко ценит индивидуальность и утверждает, что институтское воспитание впоследствии помогало девушкам, во-первых, хорошо выйти замуж (что правда – замужество многих воспитанниц было удачным, и замужество Алымовой не исключение²), а во-вторых, стойко выдерживать борьбу с недоброжелательностью: «во всех испытаниях они действовали прямо, энергично защищая свои правила»³.

Описывая порядки, которые царили между воспитанницами, Глафира Ивановна склонна рисовать благостную картину некой утопии: «Между нами царило согласие: общий приговор полагал конец малейшим ссорам. Обоюдное уважение мы ценили более милостей начальниц, никогда не прибегали к заступничеству старших, не жаловались друг на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоров между нами. В числе нас были некоторые, отличавшиеся такими качествами, что их слова

¹ Там же.

² Русский биографический словарь: В 25 т. / под наблюдением А. А. Половцова. Спб, 1896-1918. – Т.16. – С. 151

³ Там же.

служили законом для подруг. Вообще большею частью были девушки благонравные и очень мало дурных, и то считались они таковыми вследствие лени, непослушания или упрямства. О пороках же мы и понятия не имели»¹. Сестринство и равенство – таковы принципы, по которым в Смольном, по словам Ржевской, старались воспитывать девочек, а единственным способом отличиться служили их собственные достоинства и таланты².

Однако дальнейшие воспоминания Ржевской заставляют сомневаться в том, насколько ее слова соответствуют действительности. Автор вспоминает эпизод, когда большинство учениц подверглись наказанию, а самой Алымовой удалось его избежать. Проявив, как она сама пишет, упрямство и гордость, она отказывалась контактировать с провинившимися «подругами», а когда одна из девочек пожаловалась, то маленькая Алымова была поражена, «так как я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору»³. Согласно М. Ю. Хохловой⁴, характер девушки можно определить как «начальница»: это явный лидер, особа с повелительным нравом, умеющая подчинять своей воле других.

А. Ф. Белоусов считает, что выпуск Алымовой отличался «семейственностью», а нормой считались «искренность» и «правдивость»⁵. А З. Е. Мордвинова, напротив, отмечает, что,

¹ Там же, стб. 9.

² Там же, стб. 3.

³ *Ржевская Г.И.* Указ. соч., стб. 8.

⁴ *Хохлова М. Ю.* Проблема типологии воспитанниц институтов благородных девиц в контексте их межличностного общения // *Наука и школа.* 2012. №5. – с. 167.

⁵ *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 9.*

когда можно отличиться лишь талантами, «при неумелом воспитании <...> могла развиваться кичливость с одной стороны и зависть — с другой»¹, с чем нельзя не согласиться. В равных условиях, с учетом догмата об уважении начальства у девушек не оставалось другого шанса отличиться, кроме как «выслужиться» посредством прилежания перед учительницами и наставницами, завоевывая их расположение. Об этом пишет и Д. Л. Мордовцев: «Хитрость и притворство – едва ли не первое чувство, развиваемое в молодых существах затворнической жизнью институтов и монастырей, при совершенном изолировании их от жизни общественной. Баловство же, предпочтительно перед другими оказываемое некоторым личностям, развивает в них самолюбие в ущерб другим добрым инстинктам человеческой природы».²

С первых дней поступления в институт Глафира Алымова, сирота из бедной семьи, сделалась любимицей и ровесниц («меня считали своим оракулом»³), и учительниц, и даже самой императрицы и, прежде всего, И. Бецкого. С детства Алымова ощущала себя в центре внимания и очень боялась потерять «общее расположение»⁴. С психологической точки зрения, такое стремление к общественному вниманию отчасти было следствием недостатка родительской любви, о чем пишет и сама мемуаристка: «Некоторого рода обожание, предметом которого служила я для всех окружающих, не могло заменить

¹ Мордвинова З. Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Вопросы образования. 2007. №3. – с. 264.

² Мордовцев Д. Л. Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова // Русские исторические женщины. В 2 т. - М.: Книговек, 2018. - Т. 2. - с. 480.

³ Ржевская Г. И. Указ. соч., стб. 8.

⁴ Там же, стб. 7.

чувства недостававшего для моего счастья»¹. Это высказывание любопытно еще и тем, что интерес к себе она трактует как «обожание». Любимица одноклассниц, Екатерины II (в переписке она называла ее Алимущка), начальницы Лафон, сменившей Долгорукову, и особенно Бецкого, самая прилежная ученица, Алымова росла, осознавая свое превосходство над другими. В воспоминаниях она довольно часто описывает подобные ситуации. Например, когда Ржевская рассуждает о жизни при Дворе: «Не все тщеславны, суетны и низкопоклонны. Я имею счастье принадлежать к исключениям этого рода. Имея некоторую гордость душевную, я не поддавалась превратностям судьбы и, посреди рабства, сохраняла независимость, хотя и носила цепи им налагаемые, но только до тех пор, пока положение это могло быть полезно детям моим; когда же они перестали в нем нуждаться, я покинула Двор. <...> У меня всегда был свой образ мыслей, хотя я не отвергала чужого мнения, когда признавала его разумнее своего»². Ржевская ставит себя намного выше других придворных: называет себя гордой, «исключением», отмечает свой ум. По ее словам, она была достаточно смелой и «независимой», чтобы не преклоняться перед вышестоящими. Однако здесь же наблюдается противоречие: Ржевская находилась при Дворе более 20 лет, поскольку ее положение было полезным для устройства будущего ее детей. Но можно ли на протяжении стольких лет пользоваться выгодами Двора, не преклоняясь? Можно ли сохранить независимость, находясь в то же время «в цепях», которые Ржевская не стремилась разрывать?

¹ Там же, стб. 2.

² Там же, стб. 33.

Можно предположить, что такое ощущение исключительности является следствием воспитания в Смольном. Согласно О. Федоровой¹, общество оценило этих девушек, и они стали своего рода идеалом, к которому стоит стремиться. Их манеры, их воспитание, их многочисленные таланты вызывали неподдельный интерес, поэтому вполне вероятно, что выпускницы ощущали свою популярность.

Глафира Алымова очень ценила госпожу Лафон – вторую начальницу института, которая заменила ей мать и ближайшего друга. Именно Лафон девочка поверяла свои секреты, делилась переживаниями. Как пишет И. М. Долгоруков², его жена, как и все «монастырки», имела к г-же Лафон «неограниченную доверенность», поэтому можно предположить, что и Алымова не стала исключением. Перед ее глазами был живой пример редкой стойкости духа – у г-жи Лафон была непростая личная судьба, и ей постоянно приходилось терпеть нападки от недоброжелателей. Мемуаристка рисует нам портрет наставницы исключительно в положительных тонах: «женщина, извлекающая столько пользы из своих несчастий, притом умная, веселая и заслужившая общее уважение своим примерным поведением»³. Эти качества Ржевская высоко ценила и в себе. Некоторые добрые советы Лафон автор помнила спустя много лет после выпуска: «Дитя мое, сказала она мне, вы заслуживаете общую любовь в заведении, но не надейтесь встретить в свете тоже расположение и бойтесь, чтобы

¹ Федорова О. К. 250 лет Смольному институту благородных девиц : [видеолекция] / Санкт-Петербург : Президентская библиотека, 2014.

² Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни – Москва : Унив. тип., 1890. – с. 176.

³ Там же, стб. 11.

привычка к отличью и предпочтению не сделала бы Вас гордою и требовательною»¹.

Термин «гордость» в Словаре русского языка XVIII века² имеет два значения: 1) высокомерие, кичливость; 2) чувство собственного достоинства. В этом же словаре статья «гордыня» ссылается на «гордость» в первом значении. Именно от гордыни старались предостерегать девочек в Смольном институте. Поскольку слова г-жи Лафон внесены Ржевской в мемуары, создававшиеся через полвека после выпуска, то напрашивается вывод о том, что проблема гордыни была актуальна для мемуаристки на протяжении всей жизни.

Решение об изолированности института, о которой негативно высказался Д. Л. Мордовцев, Ржевская, наоборот, полностью оправдывает: «Она [Екатерина] с намерением поместила его [институт] вне города, дабы удалить воспитанниц от сношения с светом до той поры, когда вполне развитый разум и твердо вкоренившиеся в сердце нравственные начала способны будут охранить их от дурных примеров»³. Мемуаристка видит в изоляции, с одной стороны, способ предохранить воспитанниц от лжи, притворства и грязи светских интриг, пока сами они не будут достаточно морально зрелыми, чтобы критически оценивать то общество, в котором им предстоит вращаться. С другой же стороны, как показывает и дальнейшая судьба Ржевской (о чем мы подробнее еще скажем), в результате окончания института

¹ Там же, стб. 13.

² Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. — Вып. 5 — с. 168-169.

³ Ржевская Г. И. Указ. соч., стб. 5.

девушки не имели никакого понятия о реальной жизни. Отсюда в русскую культуру вошел образ институтки как пример наивности и детской восторженности¹.

Ржевская открыто не говорит об этих недостатках системы, но все же в некоторых ее высказываниях прослеживается сожаление о том, что выпускницы оказывались не подготовленными к жизни: «Скрывая от нас горести житейские и доставляя нам невинные радости, нас приучили довольствоваться настоящим и не думать о будущем. Уверенная в покровительстве Божиим, я не ведала о могуществе людей и навеки бы в нем сомневалась, если бы опыт не доказал мне, что упование на Бога не охраняет нас от их злобы»². В этом заключается главный *парадокс институтского образования*: учредителями предполагалось, что по окончании института смолянки станут частью придворной жизни, но при этом в них культивировались доброта, смирение, и покорность, причем вследствие изолированности институтской жизни девушки были крайне наивными, о чем и пишет Ржевская: «О пороках же мы и понятия не имели»³. Эти качества едва ли могли помочь в овладении правилами придворной игры и правилами светской жизни вообще. Главное подтверждение этой мысли мы можем найти в описаниях взаимоотношений Г. И. Ржевской и И. И. Бецкого.

2. Иван Иванович Бецкой

¹ Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и её отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2009. №27. – с. 109.

² Ржевская Г.И. Указ. соч., стб. 6.

³ Там же, стб. 9.

И. И. Бецкому посвящена 1/3 воспоминаний Ржевской. Их отношения носили довольно сложный и запутанный характер: 18-летняя Алымова стала, видимо, последней страстью 72-летнего Бецкого: «С первого взгляда я стала его любимейшим ребенком, его сокровищем. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметом его нежнейших чувств, целью всех его мыслей. <...> Вскоре г-н Б. перестал скрывать свои чувства и во всеуслышание объявил, что я его любимейшее дитя. <...> Ни холод, ни дурная погода не удерживали его; ежедневно являлся он ко мне, под конец даже два раза на день. Только мной и занимался, беседовал со мной о моей будущности. Видя, что я ничего не понимаю и что разговор этот мне надоедал, он решил действовать как бы согласно с моим характером и склонностями... Стараясь удалить меня от всех, кто пользовался моим доверием, и самому вполне овладеть им, он так ловко устроил, что никто не смел открыть мне его намерений, а они были так ясны, что когда я припоминаю его поведение, то удивляюсь своей глупости. Сначала он попробовал ослепить меня драгоценными подарками; я отказалась от них как излишних для меня. Потом шутя при всех спросил меня, что я предпочитаю: быть его женой или дочерью»¹. Мемуаристка выбрала роль дочери.

Описывая эти неоднозначные взаимоотношения, Ржевская практически настаивает на том, что она не могла распознать страсть Бецкого к ней. Полагаем, что таким образом автор принимает участие в создании мифа о смолянках как об исключительно чистых и невинных

¹ Там же, стб. 15

существах, не знакомых с нравами внешнего вида и преданных своим благодетелям. Первые выпускницы института были склонны к подобному мифотворчеству¹. Дальнейшая жизнь Алымовой-Ржевской едва ли может свидетельствовать о ее простодушии или слабости характера.

После выпуска в 1776 г. И. Бецкой взял Алымову в свой дом под предлогом ее сиротства, хотя это выходило за рамки приличий. Бецкой, разыгрывая роль нежного отца, уверил Алымову, что если она желает быть его дочерью, то ее муж станет ему сыном. Взамен на это Бецкой взял с подопечной обещание, что она со своим мужем будет жить в его доме. Он не смог сдержать своего обещания и продолжал «выражать свою страсть, не называя ее»².

В отношениях с Бецким раскрывается важное качество для понимания юношеского характера Ржевской и действенности институтской образовательной программы – бескорыстие. По словам мемуаристки, когда ее покровитель осыпал ее драгоценными подарками – та скромно отказывалась, не понимая, зачем они ей нужны. После выпуска девушке нужно было собирать приданое, и Бецкой взял эту обязанность на себя. Преподнося Алымовой образцы разных материй, он удивлялся, когда подопечная выбирала самые простые из них, хотя делала она это столько из осознанной экономии, сколько из институтской привычки одеваться просто. Несмотря на то, что в уставе института четко прописано изучение домостроительства и экономии,

¹ Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и её отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2009. №27. – с. 108.

² Ржевская Г. И. Указ. соч., стб. 19.

Ржевская пишет: «Не зная цены деньгам, я истратила их в Риге, накупив подарков, которые я послала своим приятельницам»¹. С одной стороны, это говорит о ней как о человеке добром, неискушенном богатствами. С другой – о ее неопытности и непрактичности в юные годы.

Н. Молева² утверждает, что Алымова переехала к Бецкому с целью использовать его богатство в своих целях. В мемуарах же сказано: «Я ровно ничего не смыслила в денежных расчетах и не обращала внимания на нашептывание о его [Бецкого] богатстве»³. Утверждение Молевой выглядит малоубедительно: сложно представить, чтобы 18-летняя девушка, воспитанная в скромности и изолированности, крайне неопытная, имела пристрастие к деньгам.

С переездом Алымовой к Бецкому и без того сложные отношения стали еще сложнее. Вероятно, Бецкой хотел жениться на девушке, но неясно, что его сдерживало – разница в возрасте (он был старше ее на 55 лет), или боязнь общественного осуждения, или что-либо еще. Ясно одно: роль дочери, которую выбрала Алымова, Бецкого не могла удовлетворить. Чувство старого вельможи походило на одержимость: «Потом, из ревности, начал удалять от меня даже женщин, меня полюбивших. <...> Он не выходил из моей комнаты и, даже когда меня не было дома, ожидал моего возвращения. Просыпаясь, я видела его около себя. Между тем он не объяснялся. Стараясь отвратить меня от

¹ Там же, стб. 18.

² Молева Н. М. Левицкий // Royallib.com, 2019. URL: https://royallib.com/read/moleva_nina/levitskiy.html#0

³ Ржевская Г. И. Указ. соч., стб. 17.

замужества с кем-либо другим, он хотел, чтобы я решилась выйти за него, как бы по собственному желанию...»¹

Ржевская утверждает, что решила быть его дочерью. Но и в этом она противоречит сама себе – то самое «собственное желание» имело место быть:

«Несчастный старец, душа моя принадлежала тебе; одно слово, и я была бы твоею на всю жизнь. К чему были тонкости интриги в отношении к самому нежному и доверчивому существу?.. Тебя одного я любила и без всяких рассуждений вышла бы за тебя замуж»². При этом она пишет, что отношение Бецкого к ней не было тайной ни для кого, кроме нее самой.

Когда Алексей Ржевский сделал Алымовой предложение, она подтвердила свою безусловную преданность Бецкому – любое решение согласовывала с ним³. Бецкой тяжело переживал помолвку своей воспитанницы с Ржевским, его состояние автор обозначила как «отчаяние». Он всячески старался расстроить этот брак: посредством интриг очернял жениха и невесту в глазах друг друга, настаивал на том, чтобы отложить свадьбу на два года и т. д. По словам Ржевской, из этой сложной жизненной ситуации ей помогла выпутаться божественная сила: «Невидимая рука указывала мне правый путь в этом лабиринте интриг, и я выпуталась из сетей, расставленных перед моей невинностью и чистосердечием. Бог сохранил меня невредимой. Это отнесли к моей чести, я же убеждена была, что спасло меня Провидение. Книжки не достанет, чтобы описать все западни,

¹ Там же, стб. 19.

² Там же, стб. 18.

³ Там же, стб. 20.

которые расставлял для меня человек, долгом которого было охранить мою молодость»¹. Снова автор подчеркивает свои *невинность* и *чистосердечие* и позиционирует себя как жертву обстоятельств. Кроме «невидимой руки» Алымовой помогло участие в этой истории Григория Орлова, который (очевидно, по направлению Екатерины) провел с девушкой несколько «тяжелых бесед» с целью открыть ей намерения Бецкого и склонить ее к замужеству с Ржевским². Благодаря Орлову, Алымова, как она пишет, «стала тверда и последовательна в своих действиях»³.

В 1777 г. Алымова стала женой Ржевского. Она выполнила свое обещание перед Бецким – и действительно жила со своим мужем в его доме. Но даже после свадьбы Бецкой не смог смириться с выбором Алымовой и не оставлял попыток рассорить супругов. После того, как жизнь в бесконечных интригах стала невыносимой, Ржевские практически бежали из дома ее бывшего покровителя. Для Бецкого это был удар – «он ослеп и почти терял рассудок»⁴ и так и не смог оправиться.

Примечательно, что о Ржевском, своем первом муже, мемуаристка почти не пишет (равно как не пишет и о втором). Из «Записок» нам не известны ни подробности их взаимоотношений, ни авторская позиция по отношению к нему. Молева⁵ связывает это с тем, что Ржевский не был пределом мечтаний юной Алымовой: к 1777 году ему исполнилось сорок, он уже овдовел и был не богат. Общество

¹ Там же, стб. 21.

² Там же, стб. 22.

³ Там же, стб. 25.

⁴ Там же, стб. 32.

⁵ Молева Н. Указ. соч.

очень любило его первую жену, Ржевскую-Каменскую, а у самого Ржевского в прошлом была репутация поклонника актрис. Однако Г. Державин настолько был впечатлен браком Ржевского, что посвятил его семье стихотворение «Счастливое семейство»¹, и другие исследуемые источники (в частности, Русский биографический словарь) опровергают тот факт, что брак был несчастлив. Возможно, внутрисемейные отношения оставлены Ржевской вне поля зрения, поскольку она предполагала, что ее «Записки» могут попасть в руки посторонним людям.

А вот история с И. Бецким всю жизнь не давала покоя Ржевской: на протяжении повествования автор постоянно возвращается к воспоминаниям о нем. В юности она была привязана к своему благодетелю, а в мемуарах чувствуется благодарность. Но даже на склоне лет она не может понять мотивов этого человека, и главная ее эмоция по отношению к нему – недоумение. Размышляя об этих отношениях спустя почти полвека, она пишет: «Он мог сделаться моим мужем, служить мне отцом, благодетелем; но, по собственной вине не достигнув своих целей, он стал играть роль моего преследователя... Можно отчасти извинить скрытность и лукавство в свете, потому что они необходимы для преодоления встречаемых препятствий к достижению цели. <...> Но чувства сердечные не имеют надобности в притворстве. <...> Я была покорна и привязана к нему, он мог прямым путем достигнуть цели. К чему было стараться уверить свет, что страсть была с моей стороны, а что он

¹ Русский биографический словарь: В 25 т. / под наблюдением А. А. Половцова. Спб, 1896-1918. - Т.16. - С. 151.

женится на мне из желания осчастливить меня?»¹. Интересно, что, исходя из своего жизненного опыта, она оправдывает и «скрытность», и «лукавство», по которым живет высший свет. Но она уверена: чувства не нуждаются в притворстве. Понятно, что воспоминания создаются уже в эпоху романтизма, но такой взгляд на любовь также мог быть следствием воспитания в Смольном по принципам «праводушия» и «честности». Бецкой же больше действовал из принципа приличия (между ними стояли социальное и возрастное неравенство), применяя типичные для придворной среды инструменты. Этим же инструментам впоследствии овладеет и Ржевская.

3. Придворная жизнь

Алымова стала фрейлиной Екатериной II почти сразу после выпуска и в это же время она переехала к Бецкому. Воспитанная на принципах честности, неопытная, беспечная девушка из привычного монастырского мира сразу же была брошена в пучину придворных и домашних интриг, которые нередко сплетались между собой (например, конфликт между Марией Федоровной и Алымовой был спровоцирован Бецким с целью удалить последнюю от Двора²) Поэтому не удивительно, что она так невзлюбила Двор: «Я терпеть не могла придворную жизнь, желала распротиться с нею и выйти за Ржевского»³. Тем не менее, она осталась при Дворе на 26 лет, что наталкивает мысль о том, что не так уж он ей был ненавистен. Ржевская пишет, что среди рабства ей

¹ Ржевская Г. И. Указ. соч., стб. 32.

² Там же, стб. 25.

³ Там же.

удавалось быть независимой – и мы уже подвергли сомнению этот тезис. Мемуаристка оправдывает себя тем, что оставалась при Дворе и пользовалась выгодами своего положения только ради детей, и как только они перестали в том нуждаться, сразу оставила придворную карьеру¹. Сомнительно, что можно находиться при Дворе более 20-ти лет в условиях искренней ненависти к нему – Ржевская приняла правила придворной игры и сама стала жить по этим правилам: «При Дворе и речи не бывает о глубоких и прочных чувствах; тут все поверхностно и подчиняется условным законам, которые беспрестанно изменяются; тут за свои личные качества столько же можно отвечать, сколько за царскую милость и за отличия, ею доставляемые»².

Очень любопытны рассуждения Ржевской о Великой княгине Марии Федоровной. В первый год пребывания при Дворе у Алымовой произошел с ней конфликт на почве ревности к Павлу, который был очень расположен к юной фрейлине. Автор утверждает, что оснований для ревности не могло быть³. Мария Федоровна стала холодна к ней, обходилась крайне неучтиво со своей предполагаемой соперницей. Вот что пишет об этом Ржевская: «Сначала она необдуманно поддалась обидным для меня подозрениям, жаловалась первому встречному и обращала внимание на мое поведение, которое объясняла по-своему. Но все это послужило в мою пользу, выказав мою невинность. Видно, что она мало заслуживала мою любовь; но, по свойственной мне чувствительности, я извиняла ее заблуждения и

¹ Там же, стб. 34.

² Там же, стб. 33.

³ Там же, стб. 37.

оказывала ей больше уважения и признательности нежели мужу ее, которого я имела основание любить и уважать»¹. И снова автор подчеркивает свою «невинность». Интересно, что Ржевская полагает, что ее любовь и уважение надо заслужить, даже если это члены императорской семьи. Вероятно, она придерживалась идеи, что человека нужно оценивать по заслугам, а не по титулу. Или же наоборот: ставила себя выше Великой Княгини. Ржевская пишет, что прощала ее только лишь по своей природной «чувствительности», но думается, что у нее был и другой мотив. Алымова в тот период только начинала придворную карьеру, и первый год для нее был очень тяжелым². Великая княгиня Наталья Алексеевна, у которой фрейлина находилась в расположении, скончалась, и на ее место пришла Мария Федоровна. Вторая супруга Павла подозревала мужа в связи с Алымовой, и ей вторило общество. В это же время, стараясь удалить девушку от Двора, Бецкой участвовал в интригах против нее же, что очень ее мучило. Можно предположить, что в таком положении Алымова осознавала, что ей необходимо удержаться при Дворе, обрести независимость от Бецкого. Вероятно, поэтому она намеренно старалась войти в милость Великой княгини.

О своих отношениях с Великим князем Павлом Петровичем Ржевская пишет мало, явно умалчивая большую часть событий. Но даже из тех обрывков, которые представлены в воспоминаниях, складывается впечатление, что на самом деле все было не так однозначно, как она

¹ Там же.

² Там же, стб. 33.

описывает. В конце концов, ревность Марии Федоровны не могла возникнуть бесосновательно – к этому были предпосылки: «Он в присутствии жены и всех вообще только мною и занимался, и был любезен донельзя. Когда я его предостерегала, он отвечал, что ему надоели все сплетни, что он знать их не хочет, и по-прежнему был ко мне внимателен. Это продолжалось до моего замужества. Я надеялась, что свадьба моя положит конец этому ухаживанию. Ничуть не бывало: оно еще усилилось»¹. В этих словах чувствуется некоторая гордость автора за себя: Ржевской явно льстило внимание Павла. Она утверждает, что между ними завязалась нежная дружба на 10 лет², и Великий князь всю жизнь относился к чете Ржевских с добротой и уважением.

Будучи в дружеских, по словам мемуаристки, отношениях с Павлом, Ржевская вела себя по отношению к нему довольно смело. В этом плане показателен эпизод, когда она со своим мужем вследствие придворных интриг опоздала на свадьбу собственной дочери на 2 часа, чем вызвала большое неудовольствие уже императора Павла. Он отказался присутствовать на свадьбе, на что Ржевская реагирует остро: «Я в первый раз в жизни заговорила с кн. Гагариной, настойчиво требуя, чтобы она отправилась к императору и объявила ему, что я не выйду из церкви, если не будет им признана наша невинность, что все это вредит репутации моей дочери и что наконец сама я заслуживаю большего уважения...»³ В главе, посвященной Двору, автор постоянно говорит об уважении, в первую очередь – к себе.

¹ Там же, стб. 37.

² Там же, стб. 38.

³ Там же, стб. 44.

Это уже не тот образ жертвы, который предстает перед читателем в воспоминаниях о Смольном. Перед нами решительная, гордая женщина, преисполненная чувства собственного достоинства и смелости – мало кто может прямо требовать что-либо от самого императора.

Отношение к Екатерине же Г. И. Ржевская имела особенное. Автор рисует ее как справедливую, мудрую правительницу, которой Ржевская полностью обязана своим образованием: «Обращение ее со мной было дружески-ласковое и внушающее почтение. Как нужная и снисходительная мать, она поощряла меня в развитии моих способностей, выставляла мое чистосердечие и ту долю природного ума, которым наградила меня природа, помогая мне и поддерживая меня в весьма трудном моем положении»¹. Мемуаристка почитала правительницу не просто потому, что так было принято – она знала ее с детства. Хотя Ржевская и не много говорит об императрице в целом, очевидно, утаивая очень многие эпизоды, Екатерина фигурирует в повествовании как божественная сила, как высшая справедливость, постоянно приходящая на помощь своей фрейлине.

И о Екатерине, и о Павле, и затем об Александре Ржевская отзывается исключительно хорошо. Скорее всего, это часть авторской концепции: в Смольном ее воспитывали в уважении к власти и к людям, которые ее осуществляют. Истинное же ее отношение к императорской семье нам неизвестны.

¹ Там же, стб. 34.

4. Елизавета Рубановская

Способность к нежной дружбе ценилась воспитанницами Смольного особенно высоко¹. Поскольку девочки с детства были оторваны от семей, одноклассницы, учительницы и начальница заменяли им настоящую семью. С институтских времен Г. И. Ржевская сохранила крепкую дружбу со смолянкой Елизаветой Васильевной Рубановской: «Из других моих привязанностей в Смольном, одна лишь дружба с г-жей Рубановской была серьезным чувством. Она осталась моим единственным, искренним другом до последней минуты своей жизни. С обеих сторон чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ее я имела счастье оказать услуги ее семейству, детям и тем исполнила священный долг, заплатив за ее дружбу, которая до того времени не требовала от меня ни малейшего пожертвования»². Священный долг, о котором говорит Ржевская – это материальная помощь ссыльному А. Н. Радищеву. За публикацию «Путешествия из Петербурга в Москву», шокирующего Екатерину, писатель был приговорен к смертной казни, но наказание было заменено десятилетней ссылкой в Сибирь. Е. Рубановская, младшая сестра покойной жены Радищева, последовала за ним, взяв с собой двух его младших детей. В ссылке Рубановская стала фактической женой писателя и родила ему троих детей.

Ржевская, конечно, уважала Екатерину и ее решения, но еще более она, судя по мемуарам, уважала принцип справедливости. Несмотря на то, что Радищев был объявлен

¹ Хохлова М. Ю. Проблема типологии воспитанниц институтов благородных девиц в контексте их межличностного общения // Наука и школа. 2012. №5. – с. 169.

² Там же, стб. 13.

«государственным преступником», несмотря на то, что Рубановская последовала за ним в Сибирь добровольно, зная все последствия такого решения, ее институтская подруга не только не порывает с ними связи, но и шлет посылки и письма, хотя материальное положение Ржевских оставляло желать лучшего. Она заботится о старших сыновьях Радищева, которые остались в Петербурге, причем со всей полнотой своего чувства: «Больше всего меня мучит совесть, что я не могу посвятить им все свои силы» (из письма Александру Воронцову¹). Открытая помощь семье Радищева не могла не навлечь на Ржевскую гнев императрицы, что говорит нам о редкой смелости, даже дерзости мемуаристки. После смерти Рубановской (1795 г.) Ржевская взяла все заботы о ее детях на себя: по ее с А. Р. Воронцовым ходатайству дети Е. Рубановской были приняты в закрытые учебные заведения «с фамилиею Радищевых»², что уравнивало их в правах с детьми Радищева от первого брака. История с семьей А. Радищева характеризует Ржевскую как преданную и верную подругу, которая искренне желает помочь и ей, и ее семье всеми средствами, которыми только располагает, не боясь ни гнева императрицы, ни общественного порицания.

¹ Цит. по Чайковская О. «Как любопытный скиф...» / Предисл. Д. С. Лихачева. – М.: Книга, 1990. – с. 144.

² Берков П. Н. Материалы для биографии А. Н. Радищева // Радищев. Статьи и материалы – Л., 1950. – с. 238.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает анализ мемуаров, Глафира Ивановна Ржевская – сильная, крупная личность. И хотя сложно сказать, насколько «Памятные записки» достоверны, они служат важнейшим источником для понимания характера, мироощущения и восприятия собственного «Я» мемуаристки.

Авторская концепция Ржевской, вероятно, заключается в преподнесении себя как примера для потомков. Повествование автор ведет обстоятельно, стараясь быть объективной (по крайней мере, по отношению к самой себе) и принять во внимание все важные детали, однако все равно чувствуется субъективность подачи материала. Она не описывает весь свой долгий жизненный путь, а концентрируется лишь на событиях, так или иначе оказавших на нее влияние или служащих иллюстрацией приведенной ею мысли. Описания событий общественной жизни отсутствуют полностью – внимание автора сосредоточено на личном, а в «Записках» содержится больше чувств, переживаний и впечатлений, нежели фактов.

Воспоминания о годах, проведенных в Смольном, выдержаны почти в жанре утопии: автор придерживается официального представления об институтской жизни. Между девушками царил гармония и взаимопонимание, наставница Лафон проявляла невероятное понимание и чуткость, а Екатерина II души не чаяла в каждой из воспитанниц. Судьба Ржевской сложилась довольно непросто, и институтское время оказалось самым счастливым в ее жизни; возможно, поэтому она стремится «осветлить» его в своих воспоминаниях.

Рассуждения об И. И. Бецком полны недоумения, сожаления, но в то же время благодарности за все, что он сделал для своей любимицы. На тот период благодетель Ржевской был главным человеком в ее жизни: окружал ее любовью и заботой с самого детства, наставлял ее, заботился, как умел. Не удивительно, что девушка готова была стать и его женой, если бы он только объяснился. Спустя полвека мемуаристка так и не смогла понять его мотивов, но точно смогла разобраться в своих чувствах к нему. Ни о ком более Ржевская не вспоминает так часто и так эмоционально, как о Бецком – даже о двух своих мужьях.

Придворная же жизнь описывается ею преимущественно в темных тонах – мир Двора явно противопоставляется миру Смольного. Юной Алымовой пришлось быстро адаптироваться к новой, ненавистной среде, противоречащей ее убеждениям, и первый год привыкания удавался ей с трудом. Постепенно образ неопытной институтки сменяется уверенной в себе придворной дамой, какой Ржевская себя теперь позиционирует. Очень многое из этого периода автором умалчивается – в частности, неизвестно, какими на самом деле были отношения Алымовой-Ржевской и Павла I.

Среди прочих, которых также выделяет Ржевская, – Екатерина II и госпожа Лафон. Это женщины, под руководством которых росла и формировалась девушка. О них обеих автор отзывается восторженно, с глубоким почтением и уважением, доходящим до благоговения. Да и о членах же императорской фамилии она старается говорить только хорошее, но, судя по воспоминаниям о Марии Федоровне, иногда мемуаристке есть, что сказать и против них.

Помощь семье Радищева почти не упоминается Ржевской. Она не говорит ни о нем, ни о ситуации, которая сложилась у него с Е. Рубановской. Из дополнительных источников было выявлено, что Ржевская проявила себя как добрая, преданная подруга, которая, выполняя свой «долг», не страшится плохих последствий для себя.

Основываясь на том образе, который рисует нам в мемуарах Г. И. Ржевская, можно живо представить себе ее портрет как смолянки. Мемуаристка называла себя «образчиком тамошнего воспитания»¹. С самого раннего детства она старалась восполнить недостаток родительской любви стремлением к общественному признанию, в годы обучения в Смольном отличалась веселым нравом, прилежанием и пользовалась уважением среди подруг. Алымова была не лишена скромности, доброты, благородства, таланта – она была одной из первых русских арфисток. Через всю жизнь она пронесла дружбу с Е. Рубановской и очень ценила тех, кто был способен к такой же дружбе. Уже в Смольном сложился ее живой, «самобытный» характер, и уже тогда, окруженная вниманием самого попечителя Воспитательного общества Бецкого, приобрела чувство собственного достоинства. Ржевская уверена, что именно воспитание помогало ей выбираться из самых запутанных жизненных ситуаций.

Выйдя из института, Алымова, как и предполагалось, стала фрейлиной при дворе и составила «блестящую партию» Ржевскому, но оказалась совершенно не подготовленной к жизни. Будучи фрейлиной, она в течение года смогла

¹ Там же, стб. 5

овладеть всеми правилами придворной игры и приобрела уверенность в своих силах. Это, безусловно, умная женщина, одна из образованнейших в свое время. Ради устройства будущего своих детей она осталась при нелюбимом Дворе на 26 лет, и чем больше Ржевская находилась там, тем более уважения требовала к себе. Мемуаристка не боялась идти на конфликт даже с августейшими особами и находила способы выходить из них с честью. Знакомая с членами императорской семьи, фрейлина имела возможность оценить их личные качества, поэтому уважала она не всех, но оставалась в рамках приличий. Ржевская не одобряла притворство, но могла его оправдать. При этом она ценила правду, обладала чувством справедливости. Все эти факты, изложенные автором воспоминаний, дают нам право называть Глафиру Ивановну Алымову-Ржевскую истинным воплощением того идеала смолянки, «институтки», к которому стремились Екатерина II и И. И. Бецкой.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более подробное изучение репрезентации придворной жизни Г. И. Ржевской в «Памятных записках».

БИБЛИОГРАФИЯ

Ржевская Г.И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив, 1871. – Кн. 1. – Вып. 1. – Стб. 1-52.

Белова А. В. Девичество Российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/devichestvo-rossiyskoy-dvoryanki-xviii-serediny-xix-veka-telesnost-seksualnost-gendernaya-identichnost> (дата обращения: 15.04.2019).

Белова А. В. Женское институтское образование в России // Педагогика. 2002. № 9. с. 76–83.

Берков П. Н. Материалы для биографии А. Н. Радищева // Радищев. Статьи и материалы – Л., 1950. – с. 217-245.

Бецкой И. И. Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола – Спб, 1774. – Т. 2. – 244 с.

Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник РУДН. История России. 2012. №1. – с. 126-138.

Данилова А. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института: биограф. хроники – М. : ЭКСМО, 2008. – 463 с.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течении моей жизни / Соч. кн. Ивана Михайловича Долгорукова. – 2-е изд. – Москва: Унив. тип., 1890. – 403 с.

Зорин А. Проект воспитания чувств. Из курса «Любовь при Екатерине Великой» // Arzamas, 2019. URL:

<https://arzamas.academy/courses/32/1> (дата обращения 25.04.2019).

Зорин А. Странная любовь. Из курса «Любовь при Екатерине Великой» // Arzamas, 2019. URL:

<https://arzamas.academy/courses/32/2> (дата обращения 14.06.2019).

Институт благородных девиц / авт.-сост. Вероника Богданова. – Москва : Алгоритм, 2017. – 435 с.

Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 576 с.

Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). – СПб, 1899. – 268 с.

Моисеева Г. Н. [Вступ. статья] // Записки и воспоминания русских женщин [аудиокнига] – М.: aBook-club, 2013. – 29 ч. 25 мин.

Молева Н. М. Левицкий // Royallib.com, 2019. URL:

https://royallib.com/read/moleva_nina/levitskiy.html#0 (дата обращения: 14.06.2019)

Мордвинова З. Е. Смольный институт в эпоху императрицы Екатерины II (1764-1796) // Вопросы образования. 2007. №3. – с. 255–278.

Мордовцев Д. Л. Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова // Русские исторические женщины. В 2 т. - М.: Книговек, 2018. - Т. 2. - 1200 с.

Поздняков А. Н. Институты благородных девиц в системе образования России второй половины XVIII – начала XIX века // Изв. Саратов. ун-та. / Философия. Психология. Педагогика – 2014. – Т. 14 – вып. 2. – с. 104–108.

Приказчикова Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и её отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // Вестник ЧелГУ. 2009. №27. – с. 105–114.

Пушкарёва Н. Л. Русская женщина: История и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800 – 2000: Материалы к библиографии. М., 2002. – 495 с.

Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: Импер. Рус. ист. общество, 1896-1913. – Т. 16. – 1913. – 436 с.

Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. — М : Новое литературное обозрение, 2007. — 416 с.

Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. – Вып. 5 — 256 с.

Федорова О. К. 250 лет Смольному институту благородных девиц [видеолекция] / Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2014. URL: <https://www.prlib.ru/item/316111> (дата обращения: 10.06.2019)

Фенелон. О воспитании девиц. – Москва: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. – 113 с.

Хохлова М. Ю. Проблема типологии воспитанниц институтов благородных девиц в контексте их межличностного общения // Наука и школа. 2012. №5. – с. 166–170.

Чайковская О. «Как любопытный скиф...» / Предисл. Д. С. Лихачева. – М.: Книга, 1990. – 295 с.

Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Ист. очерк, 1764-1914: Т. 1-3 / Н.П. Черепнин. Т. 1. – Спб., 1914. – 620 с.

Шашков С.С. История русской женщины. — СПб., 1879. – 352 с.

Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Тверь, 2005. – 319 с.